

БОЛЬШИЕ № КНИГИ

63.3(2)4

3-12

СА-410095

16+

Иван Забелин

ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРИЦ
В XVI И XVII
СТОЛЕТИЯХ

«АВЕНУМ»

Иван Забелин

ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРИЦ
В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

СА - 410095

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Санкт-Петербург

ГЛАВА I

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДОПЕТРОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общие черты положения женской личности в допетровском обществе. — Суждение Котошихина и суждения исследователей-идилликов. — Коренное начало древнерусского общества. — Родовой быт. — Идиллия семейно-общинного быта. — Смысл рода и смысл общины. — Родовая идея есть идея родительской воли-опеки. — Достоинством личности было «отечество». — Местничество и вече суть выражения древнерусской общественности. — Существенный ее характер. — Родовая идея — воспитательница русской личности. — Домострой — школа личного развития. — В чем полагалась самостоятельность личности. — Основные черты характера русской личности. — Господарство воли и детство воли. — Общая характеристика допетровского общества.

Котошихин в известном своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» рассказывает, что когда были московские послы на свадьбе у польского короля, то правили посольство и подносили свадебные дары от царя и от царицы особо королю и особо королеве. Править посольство значило исполнять его самолично пред лицом потентата. Желая в той же мере отблагодарить московского царя, и польский король посылал к царю своих послов и велел посольство править и дары подносить от себя и от королевы царю и царице, тоже каждому особо — так, как делали наши послы в Польше. Этого, конечно, требовало обычное вежество, обыкновенный этикет во взаимных сношениях двух государей. Но, справив посольство и поднеся дары царю, польские послы *по московскому обычаю* не были допущены к царице. «А к царице посольства править и ее видеть не допустили, — говорит Котошихин, — а отговорились тем: назвали царицу больною; а она в то время была здорова. И слушал у послов посольства, т. е. обычные речи, и дары за царицу принимал царь сам». Точно то же случилось с анг-

лийским послом, приезжавшим к царю с дарами по такому же поводу в 1663 г.

«Для чего так творят?» — вопрошает Котошихин, желая открыть иноземцам, для которых он писал свое сочинение, истинные причины этого обычая и делая с этою целью сей достопамятный ответ.

«Для того, — отвечает он, — что Московского государства *женский пол грамоте неученые*, и не обычай тому есть, а *породным разумом простоваты*, и на *отговоры несмышлены и стыдливы*: понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях, и *опричь самых ближних родственников, чужие люди, никто их, и они людей видети не могут*. И потому можно дознаться, от чего б им быти гораздо *разумными и смелыми*. Так же как и замуж выдут, и их потому ж люди видают мало. И только б царь в то время учинил так, что польским послом велел быть у царицы своей на посольстве; а она бы, выслушав посольства, собою ответа не учинила б никакого, и от того пришло б самому царю в стыд»¹.

Настоящий случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихин объясняет не совсем верно, ибо править посольство иноземным послам прямо пред лицом царицы строго воспрещал стародавний обычай. Послы не могли видеть царицу не потому, что царь боялся стыда от ее несмышленных и стыдливых отговоров, а потому, что хоромы царицы были совсем недоступны не только для иноземных послов, но и для своего народа, даже для боярства и всего двора, за исключением самых близких ей людей, обыкновенно близких ее родственников или самых доверенных слуг двора. Но, неверно объясняя частный случай, Котошихин очень верно и вполне обстоятельно изображает вообще положение женской личности в нашем старом обществе, рисует действительность, над постепенным созиданием которой усердно работали целые века и целый ряд поколений. Короткими словами, но очень живо он рисует вместе с тем и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служит вполне верным изображением самого общества. Напрасно мы будем отвергать суровую, быть может,

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. [СПб., 1884.] С. 44.

ГЛАВА II

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Языческое время: княгиня Ольга. — Влияние византийской культуры. — Постнический идеал. — Происхождение терема. — Боярыня Морозова. — Царевна Софья и значение царского девичьего терема в конце XVII столетия.

На пределах нашей допетровской исторической жизни, по ту и по сую сторону, стоят две очень замечательные женские личности, которые в действительности пользовались общественными правами, занимая высокое общественное положение. Одна почти начинается нашу историческую жизнь, по крайней мере принадлежит к первым лицам, дающим этой жизни начальное движение и направление; другая заканчивает и, так сказать, замыкает древний период русской жизни. Одна вместе с тем как общественная личность носит в своей деятельности характер прямых, положительных условий жизни, является тем, чем должна быть русская женщина-язычница, является идеалом, которым народ выразил свои представления о достоинстве женской личности, в каких именно чертах это достоинство наиболее казалось ему высоким и желанным. Другая, напротив, является только отрицанием положительных условий жизни, является вовсе не тем, чем должна быть русская женщина-христианка, по крайней мере по учению и по идеалам века. Она является плодом жизненной смуты, плодом растления положительных жизненных условий быта.

Мы говорим об Ольге — княгине и Софье — царевне.

Несмотря на мужественный тип Ольги-язычницы, который с такою самостоятельностью открывает историческую жизнь русской женщины и тем самым как бы дает сильный образ для последующего развития этой самостоятельности, мы, однако ж, не видим в последующей истории, чтобы русская женщина употре-

била себе в пользу это богатое наследство. Семьсот с лишком лет, которые отделяют друг от друга Ольгу и Софью, не представили ни одной личности, сколько-нибудь равной им по значению. Семьсот лет, таким образом, протекли без следа для развития женской личности в смысле самостоятельного члена общественной, а не семейной только жизни, так что и самостоятельность царевны Софьи, как упомянуто, явилась, собственно, отрицанием тех положений быта, какие были выработаны этим 700-летним периодом русской истории.

Летописный образ Ольги исполнен эпических, народных очертаний. Она предстает нам идеализированною и как матерая вдова, и как женщина вообще, и, наконец, как женщина-христианка.

По смерти Игоря Ольга осталась вдовою с сыном Святославом, стало быть *матерю* вдовою. В тот век она имела естественное, положительное и ни в чем не оспоримое право *сидеть на вдовьем столе*, как выражаются о таком праве даже позднейшие юридические памятники, т. е. сидеть на княженьи, управлять землею или, по простому понятию, управлять домом, владеньем, имуществом умершего князя, каким, в сущности, и была для князей в то время Русская земля. Это был, по всему вероятию, очень старый обычай, общий для славянской земли, гораздо древнейший, чем призвание варягов. Таким образом, вместе с обычным правом сидеть на вдовьем столе Ольга по своему положению как вдова князя — и, главное, вдова матерая — получает общественное политическое значение. Она в действительности управляет землею как князь. Она самолично с маленьким сыном и дружиною идет мстить древлянам за смерть мужа и покоряет их Киеву окончательно, с тою хитростью-мудростью (например, истребление нарочитых, лучших, людей земли), какая употреблялась несколько столетий спустя при собирании земель Москвою. Она сама ходит по Древлянской земле, уставляя *уставы и уроки*, т. е. законодательствуя, давая порядок в определении даней и оброков.

Вслед за тем она сама ходит по всей русской земле, точно так же уставляя дани и оброки, устроая землю, как самый деятельный и мудрый князь. Об этих земских ее походах и уставах память жила еще в XI–XII столетиях, т. е. спустя 100–200 лет. Еще тогда по всей земле оставались ее *знаменья*, места, погосты, ловища и перевесища. Это значит, что в XI–XII столетиях

ГЛАВА III

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛОЖЕНИИ ЦАРИЦЫ

Особенные условия этого положения. — Причины, которыми вызваны такие условия. — Государевы браки. — История государевых невест. — Призвание царицыной личности.

Мы видели, что русский допетровский век не признавал женскую личность самостоятельным членом общества. В обществе у ней не было своего самостоятельного места. Самостоятельное место она имела только в семье. Но и здесь смысл ее самостоятельности колебался между отцом семьи, ее мужем и ее же детьми, так что пред лицом отца семьи, своего мужа, она была столько же зависимою, малолетнею в своих правах, как и все его дети. Затем, вне семьи, женская личность совсем уже теряла свои самостоятельные права и приравнивалась к общественным сиротам, т. е. к людям, которые никакими самостоятельными правами в обществе не пользовались. Руку помощи ей подавала уже Церковь, принимавшая под свою защиту всех сирых и убогих. Церковь же по необходимости указывала женской личности лишь один путь нравственно-самостоятельной жизни — монастырь. Это был в действительности единственный путь не только для спасения, но и для самостоятельного, сколько-нибудь независимого положения в общественной жизни. Оттого иноческий идеал становится для женской личности исключительным и самым высшим идеалом существования, ибо в нем одном только она и находит удовлетворение своим нравственным самостоятельным стремлениям. Между семьею и монастырем нет ей в обществе места; помимо семьи и помимо монастыря, нет ей в обществе дела, нет подвига, которые могли бы придавать ее жизни, хотя бы в такой же мере, самостоятельный, независи-

мый смысл¹. Как скоро она останавливалась между этими двумя сферами предназначенной ей деятельности, стремясь найти для себя какую-либо иную точку опоры в общественной жизни, — она тотчас приобретала смысл лица зазорного. Общество в таких случаях всегда приходило в великое смущение; всякое общественно-самостоятельное положение женской личности оно почитало невыразимым срамом не столько даже для личности женщины, сколько именно для самого себя. Однажды (в 1418 г.) случилось в Новгороде, о котором составлено понятие, что там женщина пользовалась большею свободой, чем где-либо в старой Руси; народ поднялся на боярина Данила Ивановича Божина и казнил его ранами близь смерти, т. е. стал бить его чуть не до смерти. «Было же и это дивно, — прибавляет тамошний летописец, — или на укорение богатым, обидящим убогия, или казнь дьявола: жена некая, отвергши женскую немощь, взявши мужскую крепость, выскочив посреди сонмища, даст ему (боярину) раны, укоряючи его, как неистова глаголющи: яко обидима есмь им»². Событие, в самом деле, до чрезвычайности дивное по старым русским понятиям, которое в действительности имело смысл дьявольской казни, потому что исполнителем этой казни являлась женская личность, принимавшая на себя подвиг, совсем ей не свойственный, не потому, однако ж, не свойственный, что в нем унижалось достоинство женственных нравов, а потому, собственно, что здесь женщина являлась мужчиною, становилась поносителем мужской личности. Когда боярина били мужчины — это было обычное дело; ничего тут не было чрезвычайного, дивного; но как скоро на него же поднялась рука женщины — это становилось уже чудом и объяснить такой случай возможно было только казнью дьявола, чрезвычайным укорением и поношением именно тех людей, которые слишком высоко себя ставили пред людьми простыми, бедными. Женщина была обижена боярином и, конечно, имела такое же право мстить ему свою обиду, как и все мужчины, и притом в такой

¹ Г. К. Котошихин: «А которые девицы бывают увечны и стары, и замуж их взяти за себя никто не хочет: и таких девиц отцы и матери постригают в монастырях, без замужества».

² ПСРЛ. Т. III. С. 136.

ГЛАВА IV

ОБРЯД ЦАРИЦЫНОЙ ЖИЗНИ, КОМНАТНОЙ И ВЫХОДНОЙ

Замкнутость царицына быта. — Повседневное молитвенное правило. — Молитва и милостыня как общая стихия царицыной жизни. — Богомольные выходы и выезды, повседневные и годовые. — Приемы праздничные. — Приезжие боярыни. — Столы праздничные. — Столы семейные. — Особые торжественные приемы иноземных цариц и высших духовных властей. — Приемы повседневные. — Очерк комнатной повседневной царицыной жизни. — Выезды для гулянья.

«Ни одна государыня в Европе, — говорит Рейтенфельс, современник царя Алексея, — не пользуется таким уважением подданных, как русская. Русские не смеют не только говорить свободно о своей царице, но даже и смотреть ей прямо в лицо. Когда она едет по городу или за город, то экипаж всегда бывает закрыт, чтобы никто не видал ее. Оттого она ездит обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходит в церковь домовую, а в другие очень редко; общественных собраний совсем не посещает. Русские так привыкли к скромному образу жизни своих государынь, что когда нынешняя царица (Наталья Кирилловна Нарышкиных), проезжая первый раз посреди народа, несколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку. Впрочем, когда ей объяснили это дело, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностию».

«Русские царицы проводят жизнь в своих покоях, в кругу благородных девиц и дам, так уединенно, что ни один мужчина, кроме слуг, не может ни видеть их, ни говорить с ними; даже и почетнейшие дамы (боярыни) не всегда имеют к ним доступ. С царем садятся за стол редко. (Царь обедает обыкновенно один, а ужинает, по большей части, вместе с царицею.) Все занятия

и развлечения их состоят в вышивании и уборах. Нынешняя царица Наталья хотя отечественные обычаи сохраняет ненарушимо, однако ж, будучи одарена сильным умом и характером возвышенным, не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее. Мы два раза видели ее в Москве, когда она была еще девицею. Это женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами навывкате, лицо имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах тела изящную соразмерность, голос звонкий и приятный и манеры самые грациозные».

Мейерберг, бывший в Москве лет десять прежде, при царице Марье Ильичне Милославских, рассказывает, что «за столом государя никогда не являлись ни его супруга, ни сын (Алексей Алексеевич), которому тогда было уже 20 лет, ни сестры, ни дочери его. Уважение к сим особам столь велико, что они никому не показываются. Из тысячи придворных едва ли найдется один, который может похвалиться, что он видел царицу или кого-либо из сестер и дочерей государя. Даже и врач никогда не мог их видеть. Когда однажды по случаю болезни царицы необходимо было призвать врача, то, прежде чем ввели его в комнату к больной, завесили плотно все окна, чтоб ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульс, то руку ее окутали тонким покровом, дабы медик не мог коснуться тела. Царица и царевны выезжают в каретах или в санях (смотря по временам года), всегда плотно и со всех сторон закрытых; в церковь они выходят по особой галерее, со всех сторон совершенно закрытой». «Русские так благоговеют пред своею царицею, — прибавляет Лизек, — что не смеют на нее смотреть, и когда ее царское величество садится в карету или выходит из нее, то они падают ниц на землю».

Особое благоговение и уважение народа к царице, которым иностранцы объясняли эту чрезмерную недоступность к их особе, объясняется очень просто тем обстоятельством, что всякий, кто позволил бы себе какой-либо поступок, хотя мало и вовсе неумышленно нарушавший требования такой недоступности, тотчас подвергался всем строгостям дворской подозрительности, а следовательно, и всем возможностям попасть в самую страшную беду. Ни для кого не проходила даром даже нечаян-

Царица Анастасия Романовна и новорожденный царевич Иван.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век

Царица Ирина Годунова. Гравюра из итальянского издания «Effigie naturali dei maggior prencipi et piu valorosi capitani di questa eta con l'arme loro». 1596

Золотая меньшая, или Царицына палата.
Рисунок Ф. Г. Солнцева из книги
«Древности Российского государства».
1849–1853

Теремной дворец (Престольная палата).
Хромофотография Ф. Дрегера с рисунка
Шадурского. 1851

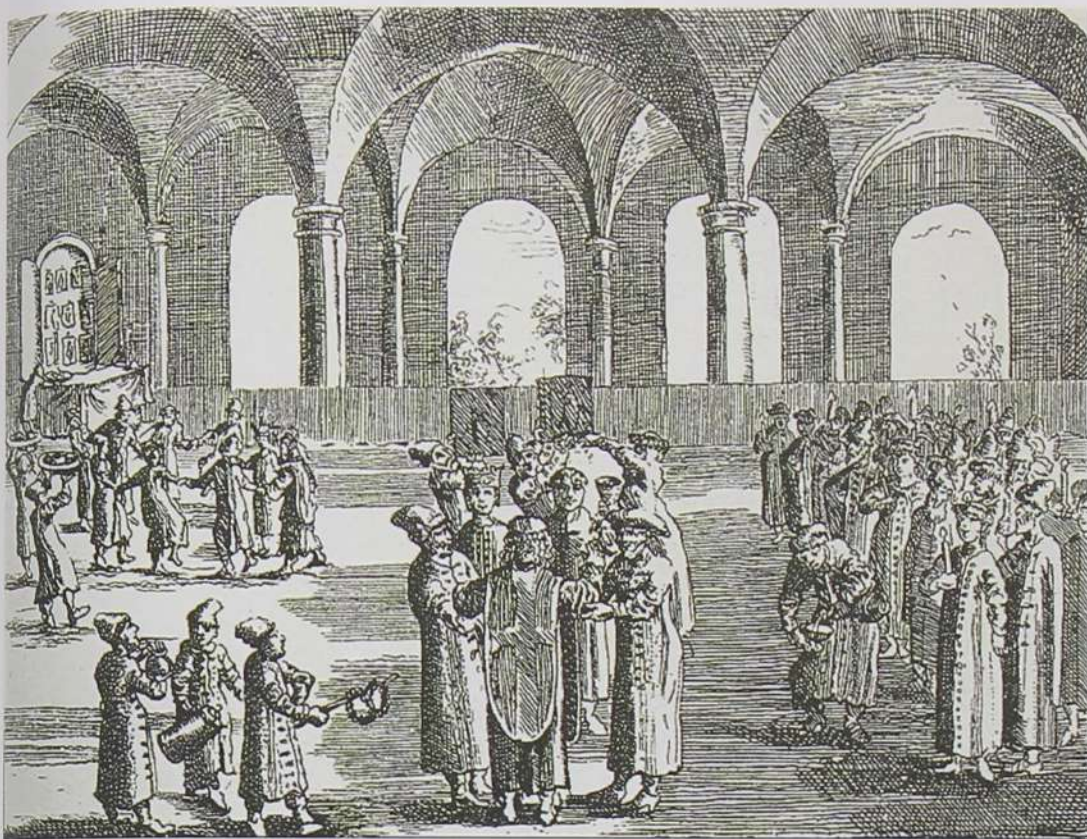
Царица Евдокия Лукьяновна.
Литография П. Ф. Бореля. 1855

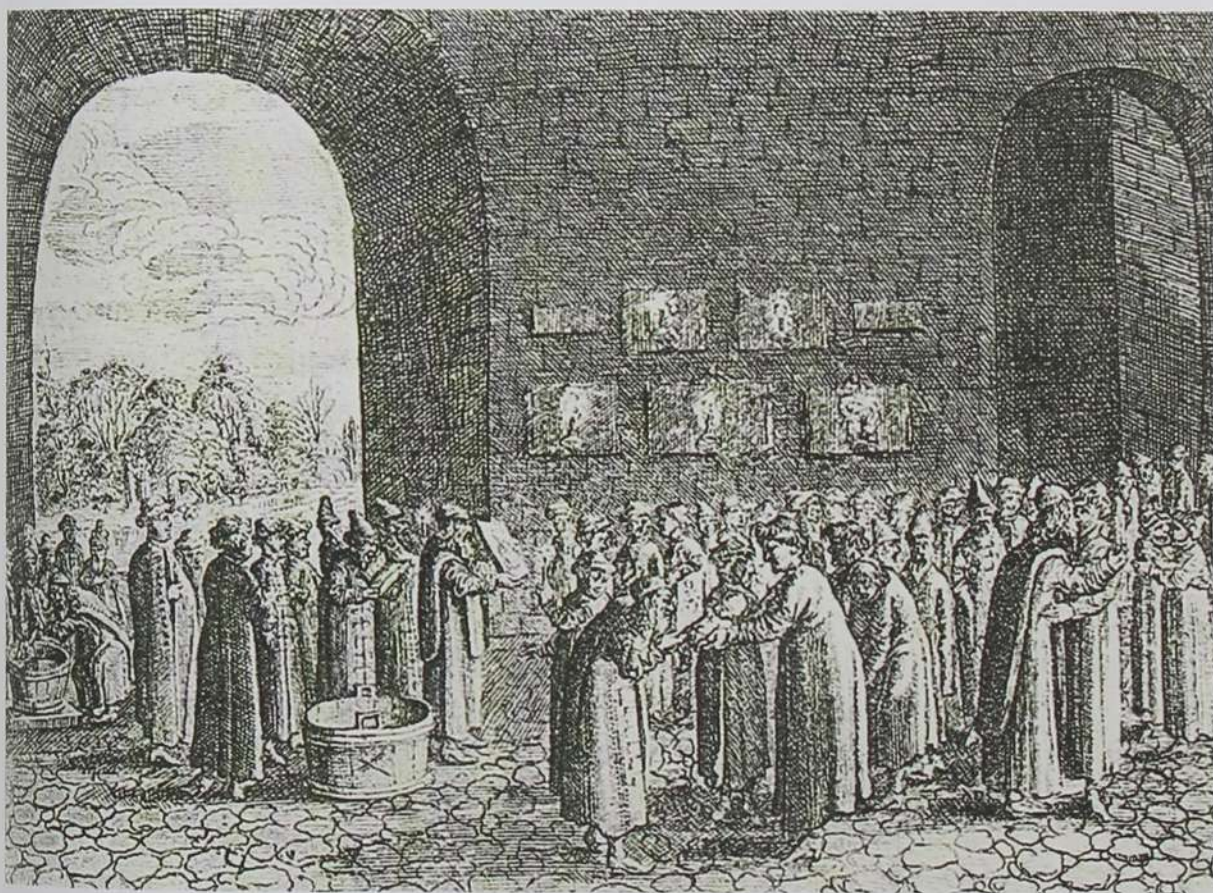
Сани знатной женщины. (Улицы Москвы)

Увеселения женщин. Из книги Адама Олеария
«Описание путешествия в Московию». 1647

Венчание

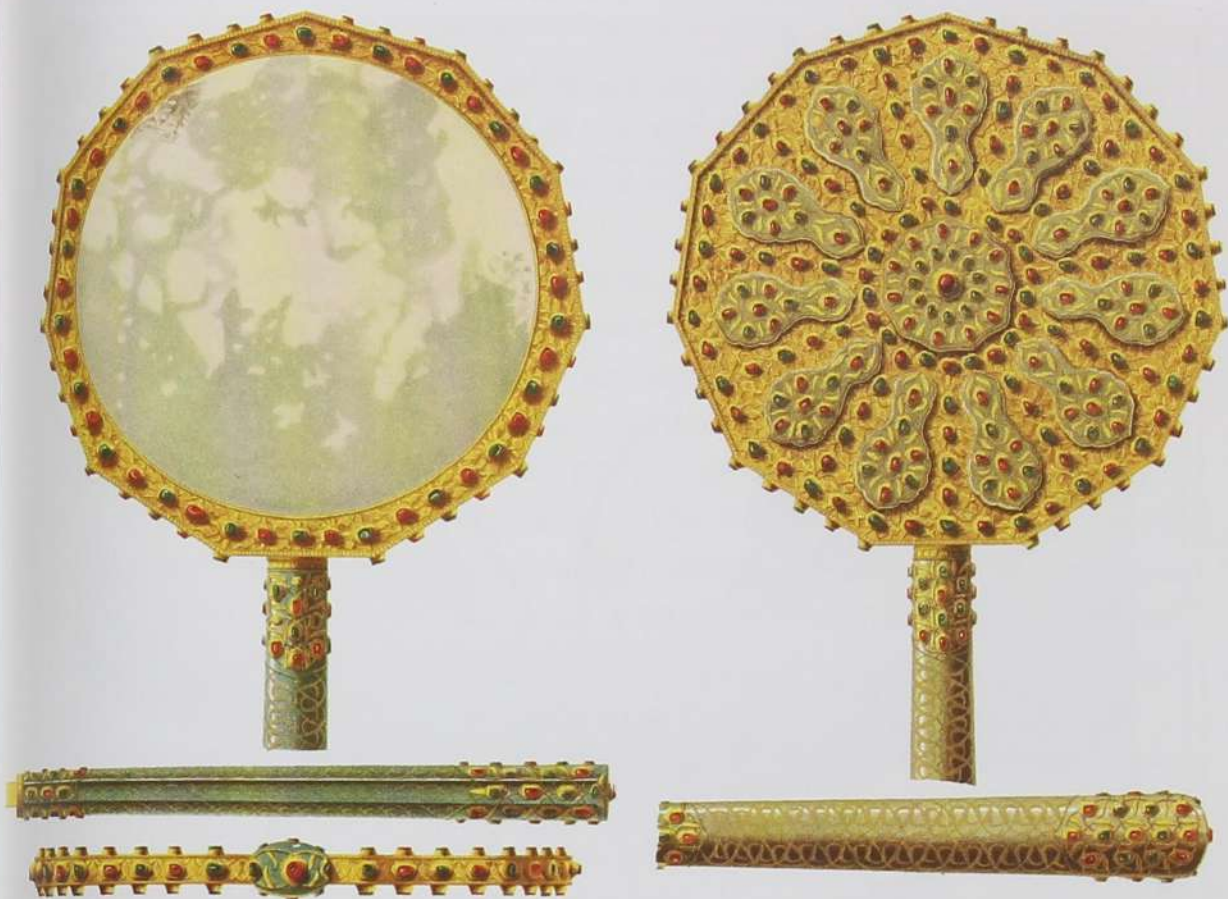
Крестины. Из книги Адама Олеария
«Описание путешествия в Московию». 1647

Медаль по случаю рождения царевича Петра Алексеевича с изображением на аверсе царя Алексея Михайловича и царицы Наталии Кирилловны

Рукомойник и лохань царицы Наталии Кирилловны.
Рисунки Ф. Г. Солнцева из книги
«Древности Российского государства». 1849–1853

Зеркальце царицы
Наталии Кирилловны

Опахало Наталии Кирилловны.
Рисунки Ф. Г. Солнцева
из книги «Древности
Российского государства».
1849–1853

на произволение, по совету с мужем... А женам и домочадцам (ходить к вечерни, к заутрени и к обедни), как вместимо, по рассуждению: в неделю (воскресенье) и в праздники, и во святые дни».

Таким образом, царица делала свои выходы в церковь к божественной службе только по востановимым дням, когда позволяло ей здоровье и разные другие обстоятельства ее домашней жизни. По таким же востановимым дням она совершала и праздничные выходы, которые поэтому не всегда делались в тот самый день, в какой случалось празднование, но иногда раньше, накануне, иногда позже, даже несколькими днями. Вообще в ее выходах не существовало той правильности, с какою в течение всего года совершал свои моления государь, всегда очень строго наблюдавший уставный круг церковных служений и празднеств.

Молебные выходы государя, представителя государства, являли собою по преимуществу образ всенародной молитвы, носили в себе смысл общественный, выражали молитву о целях и делах всего народа, всего царства. Царская молитва спасала царство. Благоденствие царства или бедствие царства — вот молитвенные мысли, которыми всегда руководились государевы молебные выходы. Благоденствие царя служило всегда выразителем благочестия всенародного; оттого с такою непреложностью цари соблюдали весь круг церковных всенародных молений; оттого эти моления и совершались царем торжественно с царственной обстановкою, в какой подобало являться молящемуся царству. Словом сказать, молитва царя была олицетворением молитвы самого царства, руководилась богомольною и благочестивою мыслию всенародного множества, отвечала благочестивым и набожным целям всего народа. Напротив того, молитвенная мысль царицы сосредоточивалась главным образом в целях и делах собственной царской семьи, была выразителем внутренней, сокровенной жизни царского дома, отвечала благочестивым и набожным целям семейного государева быта. Поэтому богомольными выходами царицы, как и особенным усердием ее в домашней, крестовой, молитве и всеми подвигами набожности, выходившими из обычного круга, управляли по преимуществу события или различные чрезвычайные обстоятельства ее домашней семейной жизни, каковы были, например, роины, собственные болезни и немощи, болезни государя — мужа или кого-

ГЛАВА VI

ЦАРИЦЫНЫ НАРЯДЫ, УБОРЫ И ОДЕЖДА

Общий обзор. — Головной убор, девичий и женский. — Золотые уборы, или ларечная кузнь: золото, саженье, низанье. — Одежды. — Обувь. — Мастерская палата. — Светлица и ее рукоделья. — Белая казна.

Иностранцы, бывавшие в Москве в течение XVI и XVII столетий, единогласно восхваляют красоту русских женщин; иные (Лизек) присовокупляют, что красоте соответствовали и достоинства ума. Но зато все очень неодобрительно говорят о разных прикрасах женского лица, которые были в большом употреблении и, по их замечанию, только безобразили природную красоту. Один итальянец (Барберини), видевший наших прабабок в половине XVI столетия, отмечает вообще, что русские женщины чрезвычайно хороши собою, но употребляют белила и румяна и притом так неискусно, что стыд и срам! О том же свидетельствует Флетчер, говоря, что женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждому это заметно; что этого не стараются и скрывать, ибо таков обычай; мужчинам это очень нравится, и они радуются, когда их жены и дочери из дурных превращаются в красивые куклы. Из его слов можно заключать, что всякие притирания в то время вовсе не имели значения искусственных средств подделывать природу, натуру лица или своей красоты, а были, так сказать, необходимою одеждою лица, без которой невозможно было появиться в обществе. «Что касается женщин, — говорит Петрей (нач. XVII столетия), — то они чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны, имеют небольшие груди, большие *черные* глаза, нежные руки и тонкие пальцы, только безобразят себя часто тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками — белою, красною, синею и темною: черные ресницы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Женская личность в допетровском обществе	5
Глава II. Главные черты женской личности в допетровское время	80
Глава III. Женская личность в положении царицы	198
Глава IV. Обряд царицыной жизни, комнатной и выходной	303
Глава V. Царицын дворцовый чин	412
Глава VI. Царицыны наряды, уборы и одежда	491